

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амерзийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

МАРК Л. ГРИНБЕРГ, СИНИША ХАБИЯНЕЦ

Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии

Паннонский славянский определяется как вымерший славянский идиом, располагавшийся в ареале, к настоящему времени преимущественно венгероязычным. Паннонский славянский оказывается центральным – как пространственно, так и метафорически – для изучения формирования славянских языков в тот момент, когда они находились в контакте с венгерским (и немецким), их акцентная система подвергалась значительной перестройке, а позднеобщеславянские диалекты переживали окончательный распад (см. Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 109 и далее). К этой проблеме обращались многие авторы, в том числе на основе остаточных славянских лексем в венгерском (см., например, Kniezsa 1955, Stachowski 2009, Zoltán 2020) или лексических характеристик живых соседних славянских диалектов (см., например, Neweklowsky 1987, Куркина 1992). В данной работе мы сосредоточимся всего на двух типах акцентологических свидетельств: (1) черты, отразившиеся в венгерском, весьма интересные, но зачастую несколько амбивалентные; (2) соответствия между западно- и южнославянскими языками, особенно когда такие соответствия указывают на инновации. Во втором случае мы иногда базируемся на наблюдениях, сделанных или уточнённых в работах Московской акцентологической школы. Мы пытаемся сделать не полноценный обзор проблемы, а скорее осветить некоторые вопросы, которые в существующей литературе были недостаточно хорошо описаны в перспективе паннонизмов.

В этом ключе стоит отметить тенденцию считать определённые черты западнославянскими (словацкими) или южнославянскими («югославизмами»), как среди местных учёных, так и среди иностранцев (Kortlandt 1980). И Кортландт (*idem*), и Схакен (Schacken 1987), например, считают язык Киевских листков переходным диалектом между словацким и хорватским, что помещает его в паннонский ареал; Ричардс видит паннонский как северный выступ прасловенского и прасербохорватского ареала (Richards 2003). Словацкие учёные в основном не признают паннонский независимым славянским идиомам. Они предпочитают проводить сравнительно дискретную границу между западнославянскими и южнославянскими языками, а свои усилия концентрируют на

попытках продвинуть западнославянскую (= словацкую) границу как можно дальше на юг. Работа Яна Станислава *Slovenský juh v stredoveku* 1948 года в этом плане является наиболее радикальной. Станислав считал, что большая часть населения Паннонии была западными славянами, которых он идентифицировал как непосредственно словаков¹ на основании весьма вольной (и временами предвзятой) интерпретации непоследовательно записанных паннонских топонимов. Как указал Антонин Достал (Dostál 1951), Станислав этимологизировал их как словацкие при помощи лишь нескольких фонологических критериев, которые в целом обнаруживаются и в других славянских языках, например, **dj* > *ǰ* (венг. *gy*), **ǝ* > *u* и даже **dl* > *l*. Последнее рассматривалось Станиславом как центральнословацкая черта. Таким образом, он поместил словаков даже в медье Зала и Баранья, находящиеся на юге современной Венгрии. Эуген Паулини шёл вслед за Станиславом, рисуя сравнительно дискретную границу между западными и южными славянами в Паннонии, хотя и не идентифицируя первых (в его интерпретации предположительно достигших Балатона, см. Pauliny 1963: 20) как словаков. Он утверждал, что предки современных центральных словаков (в лингвистическом смысле) первоначально занимали ареал между Дунаем и Тисой (Pauliny 1963: 18), где они вступили в языковой контакт с предками южных славян (Pauliny 1963: 37), а затем двинулись на север, принося с собой некоторые южнославянские черты, обозначаемые как центральнословацкие «югославизмы».

Рудольф Крайчович в 1974 году представил собственную оригинальную теорию миграции и интеграции как основу для возникновения словацкого языка (Krajčovič 1974), различая три стадии формирования словацкого: 1) послемиграционную (V–VI вв.); 2) интеграционную (VIII–IX вв.); 3) консолидационную (X–XI вв.) (Krajčovič 1988: 14–17). Он объяснил древние генетические особенности центральнословацкого миграцией с юга; западно- и восточнословацкий ареалы он считал заселёнными с севера, тем самым принципиально присоединяясь к мнению о раннем распаде и объединении групп славянских языков, а также о наличии дискретной границы между ними. Под интеграционной стадией Крайчович понимал развитие черт, нехарактерных для западнославянских языков *per se*, однако распространённых почти во всех словацких диалектах (например, краткий рефлекс акута), что во многих случаях соответствует циркумпаннонским инновациям, предложенным выше/ниже.

¹ “Slovom, najväčšia časť Panónie bola osídlená Slovákmí” (Stanislav [1948] 1999: 11).

Примечательны попытки описать данный ареал в более широкой перспективе, в первую очередь с фокусом на лексические инновации, как было показано Невекловским (Neweklowsky 1987) и Куркиной (1992). Мы рассмотрим данные интересующего нас ареала скорее в акцентологическом, чем лексическом плане.

С нашей точки зрения, языковое сообщество в контексте славянской экспансии следует моделировать с учётом двух факторов. Во-первых, существует вероятность, что основатели славянских поселений были иного происхождения, чем более поздние переселенцы, в рамках миграционной модели мы признаём, что в разное время должны были быть волны славянских переселенцев из разных мест. Во-вторых, популяция после переселения подвергается тому же социолингвистическому воздействию, что и любое другое языковое сообщество: престижные варианты возникают и распространяются на основе внутренней логики общества. Как можно различить эти слои? В славянском случае примечательно, что иногда мы обнаруживаем диалектные черты матричного диалекта радиально распределёнными в несвязанных славянских регионах. Например, Андерсен (Andersen 1996) продемонстрировал, что в случае начального *o-* || *e-* (*ozero/(j)ezero*) *o-*рефлексы не ограничены восточнославянскими языками, но в топонимах и отдельных апеллятивах обнаруживаются в западно- и южнославянских языках. Развитие нейтрального глагола со значением 'говорить' из «шумового» глагола **gьlčati* обнаруживается в среднерусских говорах, северо-западных болгарских и северо-восточных словенских (Schallert, Greenberg 2007). Группа учёных, принадлежащих Московской акцентологической школе, вместе с М. Каповичем во время полевых исследований открыли лексему *baran* 'баран' в славонском хорватском (Karović 2008: 123). Эти наблюдения помогают нам разобраться в противоречивых славянских данных, просматривающихся в венгерском материале. Кроме того, мы признаём, что в циркумпаннонских данных наблюдается и второй феномен: распространение волн инноваций или, точнее, отражение стиля речи, характеризовавшего языковое сообщество, заселившее Среднедунайскую низменность (ядро этого сообщества перешло на венгерский с X по XII в.).

Венгерские данные

1. Венгерское отражение меняющейся акцентной системы, предшествовавшей появлению западнославянского фиксированного ударения

Хотя для венгерского характерны фиксированное ударение и противопоставление гласных по долготе/краткости, он предоставляет в

наше распоряжение косвенные свидетельства меняющейся акцентной системы позднего общеславянского. Как показал Хелимский, славизмы в венгерском косвенно указывают на место ударения в языке-источнике, поскольку ударный гласный в славянском слове-источнике обычно определяет гармонию гласных в венгерских словах со «смешанным» с венгерской точки зрения качеством гласных, см. ниже в таблице 1 (Helimski 1992: 50–52). Независимо от положения в слове, ударная гласная определяет гармонию гласных. Например, венгерское *ebéd* ‘обед’ принимает переднерядную гармонию в связи с ударностью ятя в исходной форме **oběďь*. Венгерское *szalonna* ‘сало’, заимствованное из окситонного **solnīnà*, принимает заднерядную гармонию. Аналогично устроенное позднеобщеславянское **solьńca* с ударением на переднерядном гласном суффикса определяет переднерядную гармонию венг. диал. *szelënce* ‘шкатулка, коробочка’.

Таблица 1. Место славянского ударения, отражённое венгерской гармонией гласных (Хелимский 1988)

праславянский	венгерский
<i>*ǫcělь</i>	<i>acél</i> ‘сталь’ (<i>e</i> гармонически нейтрален в венгерском)
<i>*oběďь</i>	<i>ebéd</i> ‘обед’
<i>*solnīnà</i>	<i>szalonna</i> ‘сало’
<i>*solьńca</i>	<i>szelënce</i> ‘шкатулка, коробочка’ (диал.)
<i>*čerdā</i>	<i>csorda</i> ‘стадо’
<i>*dĕgьь</i> (рус. <i>дĕготь</i>)	<i>deget</i> ‘дĕготь’

2. Венгерское отражение качества праславянского старого акута

Широко распространено мнение, что гласные под праславянским старым акутом в поздний общеславянский период сократились. Основанием для этого служит то, что акут обнаруживается на исконно долгих гласных, но в циркумпаннонском ареале акутированные гласные дают краткие рефлексy. По этой причине логично считать паннонский славянский центром этой инновации, распространившейся не только на юг на западную южнославянскую территорию, но и на словацкую (за исключением самых западных говоров), 2/3 моравской, польскую и нижнелужицкую.

С другой стороны, количество венгерского гласного не всегда указывает на количество славянского, как бы нам ни хотелось использовать венгерские данные для датировки столь неуловимых процессов, как предполагаемое сокращение староакутированных гласных.

Хелимский указывал на неоднозначности ([1988] 2000: 424), см. таблицу 2. Эти и другие примеры привели его к следующему выводу: «[О]граниченность материала позволяет лишь предположить, что эта группа отражает начавшееся сокращение долгот, в особенности в ударном слого под акутом [...]» (loc. cit.).

Таблица 2. РЕФЛЕКСЫ СОКРАТИВШИХСЯ СЛАВЯНСКИХ *а, *ѣ В ВЕНГЕРСКОМ

праславянский	венгерский	
*ǫgnědъ (схр. зап. <i>jǫgnjēd</i> , <i>jǫgnjēd</i> и вост. <i>jǫgnjēd</i> , -a ² ; слвн. <i>jǫgned</i> и <i>jǫgned³</i>)	<i>jeġēnye</i> ‘populus nigra’ (диал.)	
*mǫt’exa	<i>mostoha</i> ‘мачеха’ (аномальный вокализм)	КРАТКИЕ
*kǫtень	<i>Katon</i> (топоним)	
*měđьnica	<i>medēnce</i> ‘таз’ (диал.)	
*lopǫta	<i>lapát</i> ‘лопата’	
*brǫtrь	<i>barátom</i> ‘друг’	
*besěda	<i>beszéd</i> ‘речь’	ДОЛГИЕ
*obědъ	<i>ebéd</i> ‘обед’	
*sopsědъ	<i>szomszéd</i> ‘сосед’	

С другой стороны, как указывает Капович, «долгота старого акута, кажется, сохраняется в старых славянских заимствованиях в венгерском, в том числе в многосложных словах, в которых в славянских языках она нигде не сохранилась» («*duljina se od starog akuta, čini se, čuva u starim slavenskim posuđenicama u mađarskom i u višesloženicama u kojima nije inače očuvana nigdje u slavenskom*»), как показано в нижней части таблицы 2. Далее, «если эти долготы достоверны, то сокращение старого акута в славянских языках, по крайней мере на территории современной Венгрии, произошло примерно после IX–X века, то есть после прихода венгров» («*[a]ko su te dužine pouzdane, to bi kraćenje starog akuta u slavenskom, bar na području današnje Mađarske, stavljalо u doba negdje nakon 9/10. stoljeća, tj. nakon dolaska Mađarâ*») (Kapović 2015: 230).

Кажется, венгерский свидетельствует в пользу долготы старого акута, сохраняя долготу гласных в некоторых старых заимствованиях, пришедших в эпоху до сокращения акута.

² RHSJ 4: 411–412; PSKJ 2: 553.

³ Snoj 2016: 260.

Данные циркумпаннонских диалектов

Есть несколько морфологических категорий, в которых распределение долгот в циркумпаннонских диалектах совпадает. Далее мы рассмотрим несколько категорий, однако список не является исчерпывающим.

а. Настоящее время в а. п. с

Инновационная долгота в *-e*-спряжении акцентной парадигмы *c* долгое время считалась центральнословацкой чертой, кодифицированной в литературном языке: *pasieš, tečieš, vedieš, pletieš* (Boutelje 1928: 97, процитировано в: Vermeer 1984: 383). Долгота распределена сложным образом в двух ареалах западных южнославянских языков, где обнаруживается удлинение: (1) в диалектах, где долгота обнаруживается во всех личных формах: некоторых чакавских, части посавинских штокавских, восточных (старо-)штокавских и прекмурских словенских; и (2) в диалектах, в которых долгота присутствует только в формах 3.sg или 2/3.sg, например, на Шолте и Вргате, но не на соседних Браче и Хваре (Karović 2015: 367–369). Стоит отметить, что в западнокарийтийском зильском диалекте долгие рефлексy обнаруживаются там же, где и в типе (1), однако считается, что они младше, поскольку рефлекс *-e-* совпадает с новоудлиненным **ě* (*nāsě* ‘несёт’, *brěza* ‘берёза’), а не с удлинившимся ранее *-e-* (*žjǎn* ‘жён’) (Rigler 1976: 452; Pronk 2009: 103; Karović 2015: 82). В то время как в прекмурском словенском долгоударное настоящее время парадигмы *c* представлено широко (*dārē* ‘дерёт, орёт’, *nāsē* ‘несёт’, *pāčē* ‘печёт’, *skibē* ‘ощипывает (курицу)’, *slečē* ‘раздевается’), этот тип отсутствует в кайкавском меджимурском диалекте к югу от реки Муры, а также в прлешском словенском (Средишче-об-Драви). Примечательно, что в посавинском штокавском, за исключением деревни Сиче, был обобщён долгий (нововакутированный) тематический гласный, например *pečēm, zovē, donešē* (Karović 2008: 125).

В центральнословацком эта модель была полностью обобщена, распространившись и на глаголы а. п. а: *lezieš, kladieš*, что указывает на то, что эта долгота должна была развиться в центральном диалекте. Не исключён и другой источник этой инновации – формы типа *rozumieš*, где долгота является результатом стяжения, но в таком случае эта форма была бы единственным источником аналогии для всего класса, кроме того, она также появляется в западнословацких диалектах, где нет типа *nesieš*.

Таблица 3. Долгота (и ударение) в а. п. с е-СПРЯЖЕНИЯ

словацкий (центральный)	Гайльталь (каринтийский словенский) ⁴	Прекмурье ⁵	Прлекия (Средишче- об-Драви) ⁶	кайкавкий (Меджимурье) ⁷	Посавина
<i>derieš</i>		<i>dārē</i>			
<i>nesieš</i>	<i>nāsē</i>	<i>nāsē</i>		<i>n'eseš</i>	<i>donesē</i>
<i>pasieš</i>	<i>pāse</i>	<i>pasē</i>			
<i>pečieš</i>	<i>pāčē</i>	<i>pāčē</i>	<i>pāčājo</i>		<i>pečē</i>
<i>pletieš</i>				<i>pl'ęteš</i>	<i>pletē</i>
–		<i>skibē</i>		<i>sk'ubem, sk'ubu</i>	
<i>vyzlečieš</i>		<i>slečē</i>		<i>sl'ęčem</i>	

b. *Tun volja*

В прекмурском словенском обнаруживается долгота на обычно кратких гласных в типе **kōža* ‘кожа’: *kōužā* (Цанкова), мы находим это на западе в Словенска-Горице и Средишче-об-Драви (Прлекия) *vōlā* ‘воли (gen. sg)’ (Greenberg 1999: s.v.), хотя и непоследовательно, например, прекм. *vōla*, но *volē* (gen. sg), которое, по-видимому, перешло в а. п. с. Дальше на запад, в Штирии, рефлексы колеблются между долготой и краткостью. Следует отметить, однако, что прекмурский рефлекс – не новое явление и совпадает с рефлексом праславянского циркумфлекса (*bōug* ‘бог’, *māsōu* ‘мясо’). Кайкавские системы с противопоставлением тонов регулярно демонстрируют новый циркумфлекс даже на словах с кратким гласным в корне, как *vōla*, что может быть результатом аналогии к новому циркумфлексу в акутированном типе *svāja* ‘драка’ (Karović 2015: 397). В словацком мы регулярно находим долготу в этой категории слов лишь с двумя исключениями: *koža*⁸ (но *kvažā* в Гемере; Orlovský 1982: 156) и *noša* (ср. с кайкавским неожиданным *nōša*; Karović 2015: 397). Отметим, что словацкое *koža* может также быть обратным дериватом от *kōžka* в соответствии с очень распространённой моделью *noha* – *nōžka*. См. таблицу 4.

Хелимский (1988) указал, что различные рефлексy **tj*, **dj* в венгерском зависят от количества предшествующего гласного. Таким образом, венг. диал. *kútya* ‘хижина’ (< **kōtja*), *garágya* (< **górdja*) ‘ограж-

⁴ Pronk 2009.

⁵ Greenberg, Pavel 2021.

⁶ Greenberg 1999.

⁷ Blažeka, Nyomárkay, Rác 2009.

⁸ В восточнословацких говорах это слово было вытеснено словом *skura*.

Таблица 4. Долгота и краткость в дериватах типа *volja*

словацкий (центральный)	словацкий (западный, восточный)	словенский	Прекурмье	кайкавский	штокавский
<i>vól'a</i>	<i>vóla / vuŕ'a, vol'a</i>	<i>vólja</i>	<i>vòla, volê</i> G.SG	<i>vò a</i>	<i>vò ja</i>
<i>koža</i> (гермерск. <i>kvažã</i>)	<i>koža / (skura)</i>	<i>kòža</i>	<i>kòuža</i>	<i>kòža</i>	<i>kòža</i>
<i>medza</i>	<i>medza / medža</i>		<i>mèja (mèjja)</i>		
<i>stráž, -e</i> f. ⁹		<i>stráža</i>			<i>strâža</i>
–	–	<i>kòča</i>	<i>kûča</i>		<i>kûča</i>

дение' vs. *mostoha* (< **mât'ěxa*) 'мачеха', *měgye* и *mězsgye* (диал. *mezside*) (< **medjã*) 'граница, медь'. Согласно Николаеву, это распределение могло сформироваться уже в позднеобщеславянский период в юго-западном восточнославянском (украинском) ареале или в ряде говоров карпатского региона, где двойная рефлексация **dj*, по-видимому, зависела от количества предшествующего гласного (Николаев 2005). Как бы то ни было, этот материал привносит дополнительную информацию о разной реализации рефлексов гласных под старым акутом, включая как долгие (*kútya*), так и краткие (*mostoha*). Рабочая гипотеза заключается в том, что заимствования с долгими рефлексам попали в венгерский до сокращения акутированных гласных, а с краткими – после него. Существенной проблемой в случае примеров типа *kútya* является то, что это слово попало в венгерский в эпоху после утраты назальности в славянском источнике, то есть вряд ли оно является ранним заимствованием, отражающим ситуацию до сокращения акута. Этот тип поднимает больше вопросов, чем мы в состоянии ответить, но мы полагаем, что распространённость неожиданной долготы в этих формах делает их кандидатом на роль паннонской инновации.

с. *nom/acc.pl.* в *tunax* **séla* и **měštã*

Удлинение широко и последовательно отражено в словенском и кайкавском, а также косвенно в северночкавских говорах, но оно явно старое, на что указывают нижнекаринтийские рефлексы *úkna* 'окна', *kúla* 'колёса' (соответствующие кайкавским *òkna, kòla*), где *u*-рефлекс соответствует рефлексу *o* под праславянским циркумфлексом (*bûg, mesû*) (Каровић 2015: 382–384). Это позволяет считать данную акцентную модель достаточно старой, чтобы быть паннонской инновацией.

⁹ Это слово перешло в *-i/-ya*-склонение (тип *dlaň*).

Таблица 5. Долгота в NOM./ACC.PL. СРЕДНЕГО РОДА

праславянский	словацкий	словенский	Прекурмье	кайкавский	штокавский
* <i>kòlo</i> (а.п. с)	<i>kolá</i>	<i>kúla</i> (н.-кар.)	<i>kòla</i> ‘телега’	<i>kòla</i>	<i>kòla</i>
* <i>òko</i> (а.п. с)	<i>oká</i>		<i>òka</i> ‘зёрна’		<i>òka</i> (‘отверстия’)
* <i>úxo</i> (а.п. с)	<i>uchá</i> ¹⁰		<i>vúja</i>		
* <i>rešetó</i> (а.п. b)	<i>rešetá</i>		<i>rěseta</i> (sg. <i>resěto</i>)		
* <i>okъnó</i> (а.п. b)	<i>okná</i>	<i>úkna</i> (н.-кар.)	<i>òknja</i> (!)	<i>òkna</i>	
* <i>seló</i> (а.п. b)	–			<i>sěla</i>	<i>sěla</i>
* <i>lěto</i> (а.п. a)	<i>letá</i>		<i>lěta</i>		<i>ljěta</i>
* <i>poršĕ</i> (а.п. a)	<i>prasatá</i>				
* <i>kolěno</i> (а.п. a)	<i>kolená</i>		<i>kòlena</i> (sg. <i>kolěno</i>)		
* <i>město</i>	<i>mestá</i> ¹¹		<i>měszta</i>	<i>mĕsta</i>	<i>mjĕstā</i> (посавск. диал.) ¹²

Долгота в кайкавских и прекурмюрских примерах, относящихся к а.п. а (*měszta*), является рефлексом нового циркумфлекса.

Это удлинение, по всей вероятности, развилось в словацком, поскольку оно может быть одним из источников обобщения \bar{a} в nom.pl. neut. (ещё один источник – аналогия к окончаниям dat.pl. $\bar{a}m$ и loc.pl. $\bar{a}ch$). Долгота в nom.pl. neut. на \bar{a} – отличительная черта словацкого, появляющаяся в центральнословацком и западнословацком (кроме загорского диалекта). Ранняя запись сотацкого диалекта предоставляет в наше распоряжение следующие формы nom.pl.: *lička* ‘щёчки’ (Šárğa 1940: 211), *prašata* ‘свиньи’, *očka* ‘глазки’ (Šárğa 1940: 213), *kolasa* ‘колёса’ (Šárğa 1940: 239), с окончанием \bar{a} , где сужение гласного является рефлексом долготы. Это, вероятно, указывает на то, что долгота в этом окончании имела в восточнословацком до утраты количественного противопоставления; однако следует отметить, что данных Шарги ни один другой источник не подтверждает. Ещё одна проблема заключается в том, что сотацкая «долгота» всегда появляется под ударением

¹⁰ В значениях ‘ручка (кружки)’ или ‘ушко (иголки)’, при обозначении части тела форма множественного числа выглядит как *uší*.

¹¹ С семантическим дрейфом ‘место’ → ‘город’. Слвц. *miesto* и чеш. *místo* ‘место’ являются западнославянской просодической инновацией.

¹² Каровић 2015: 526. Обозначение «хорватские диалекты» относится к посавинским и некоторым чакавским говорам (Капович, устное сообщение).

(Liška 1968: 172), и поскольку Липтак (Lipták 1969: 25) указывает на то, что трёхсложные существительные среднего рода не могут нести финального ударения, это исключает не менее половины примеров. Ср. также форму *pras'áta* у Брока (Broch 1899: 31). Таким образом, мы не можем быть полностью уверены, что долгота в формах *nom. pl. neut.* развилась в восточнословацком.

Подготавливая данную работу, мы составили список категорий, заслуживающих сопоставления (чехо-)словацких данных с западными южнославянскими. Мы полагаем, что удастся найти дальнейшие примеры схождения больших или меньших сегментов циркумпаннонских диалектов, что поможет нам понять распределение акцентуационных черт в паннонском. Среди прочих наш список включает следующие черты:

a. *l*-причастие типа *viedol, niesol*, демонстрирующее обобщение неожиданной долготы во всех формах. Возможно, это соответствует центральной (и литературной) словенской модели долготы в формах мужского рода единственного числа *ńesel* (m.), *ńesla* (f.). Эта модель не представлена ни в прекмурском словенском, ни в кайкавском. Как в случае *-e*-основ, эта модель подверглась более широкому обобщению в словацком, чем в западных южнославянских диалектах. Эта изоглосса охватывает не только центральный словацкий (*vjedu*), но и западный (*védol, vjédol*), включая Загорье (*védeu*), и даже чешские восточноморавские говоры (*védel*) (ср. Krajšovič 1974: 98). Эта долгота была обобщена (*viedla, viedlo, viedli...*), хотя есть сравнительно большой компактный ареал в восточной части центральнословацкого диалекта, в котором сохранено чередование (*vjedu – vedla*); ср. Štolc 1981: 287. Исходное чередование можно найти также в восточной части восточнословацкого диалекта, то есть в Шарише и Земплине (*ńis – ńesla*), хотя удлинение в форме мужского рода единственного числа может быть результатом сужения («*rochylenie*»), особенно в Шарише.

b. Оттяжка Ившича, например слвц. *zábava*, прекм. *zâbava*.

c. Заместительное удлинение в существительных а. п. *b*:

односложных – *bôb, kôň, vól* (ц.-слвц. и зап.-слвц.);

двусложных – *koniec, hrniec, chrbát* (ц.-слвц. и половина зап.-слвц.).

d. Сохранение архаичного распределения ударения в девербативах на **-bje* (Дыбо 1987) в старокайкавском и прекмурском словенском (в последнем – с более поздним обобщением конечного ударения), что говорит о том, что эта черта может быть реконструирована как минимум для южной части паннонского. В словацком нет следов такого

распределения, однако следует упомянуть, что старые существительные на *-ъје* демонстрируют две особенности в центральном словацком: совпадение nom.sg. и gen.sg. > **-ǎ* (> *ja*) и отсутствие действия ритмического закона (когда *-ja* предшествует слог с долгим гласным) во многих центральнословацких диалектах и в литературном словацком, что традиционно объясняется обобщением несократившихся окончаний. Современное состояние представлений об истории словацкого не позволяет установить прямой связи с архаическим распределением.

Наши предварительные выводы позволяют считать, что паннонский диалект позднего общеславянского нельзя идентифицировать ни как западнославянский, ни как южнославянский. В узком смысле его можно рассматривать как «переходный», хотя это обозначение само по себе является проекцией настоящего в прошлое. Паннонский лучше рассматривать как ареал, в котором развивались отдельные характерные модели акцентного распределения, отражающегося в современных циркумпаннонских диалектах. Учитывая лексические данные (Куркина 1992, Neweklowsky 1987), паннонский диалект являлся инновативным ареалом, имевшим собственную специфику.

Перевод с английского М. Н. Саенко

ЛИТЕРАТУРА

- Дыбо 1987 – В. А. Дыбо. Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы в производных как источник для реконструкции акцентных типов производящих // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Стр. 142–149. М., 1987.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 – В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Куркина 1992 – Л. В. Куркина. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Николаев 2005 – С. Л. Николаев. Карпатоукраинско-паннонская изоглосса (рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 4–8.
- РСКЖ 2 – Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 2. Нови Сад, 1967.
- Хелимский 1988 – Е. А. Хелимский. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 347–368 (репринтное издание: Хелимский 2000. С. 416–432).
- Хелимский 2000 – Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М., 2000.

- Andersen 1996 – *H. Andersen*. Reconstructing prehistorical dialects: Initial vowels in Slavic and Baltic. Berlin; New York, 1996.
- Blažeka, Nyomárkay, Rácz 2009 – *D. Blažeka, I. Nyomárkay, E. Rácz*. Mura menti Horvát tájszótár = Rječnik pomurskih Hrvata. Budapest, 2009 [Segédkönyvek a nyelvészet tanulmányozásához. 95].
- Boutelje 1928 – *A. E. Boutelje*. Zwei Gemer Mundarten. Prague, 1928 [Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná. I].
- Broch 1899 – *O. Broch*. Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania, 1899.
- Dostál 1951 – *A. Dostál*. [Рец. на кн.:] Ján Stanislav. Slovenský juh v stredoveku // *Slavia*. Roč. 20. 1951. S. 442–454.
- Greenberg 1993 – *M. L. Greenberg*. Glasoslovni opis treh prekmurskih govorov in komentar k zgodovinskemu glasoslovju in oblikoglasju prekmurskega narečja // *Slavistična revija*. Let. 41/4. 1993. S. 465–487.
- Greenberg 1999 – *M. L. Greenberg*. Slovarček središkega govora (na osnovi zapisov Karla Ozvalda) // *Slovenski jezik = Slovene Linguistics Studies*. 1999. Vol. 2. S. 128–175.
- Greenberg, Pavel 2021 – *Prekmurje Slovene Grammar: Avgust Pavel's Vend nyelvtan (1942) / Ed. and trans. M. L. Greenberg*. Leiden, 2021 [Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 47].
- Helimski 1992 – *E. Helimski*. Slavic/Latin/German Stress and Hungarian Vowel Harmony // *Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum*. Amsterdam, 1992. S. 45–54 (перепечатано: Хелимский 2000. С. 456–461).
- Kapović 2008 – *M. Kapović*. O naglasku u staroštokavskom slavskom dijalektu // *Croatica et Slavica Iadertina*. 2008. P. 115–147.
- Kapović 2015 – *M. Kapović*. Povijest hrvatske akcentuacije: fonetika. Zagreb, 2015.
- Kniezsa 1955 – *I. Kniezsa*. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, 1955.
- Kortlandt 1980 – *F. Kortlandt*. Zur Akzentuierung der Kiever Blätter // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 41/1. 1980. S. 1–4.
- Krajčovič 1974 – *R. Krajčovič*. Slovenčina a slovanské jazyky: Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974.
- Krajčovič 1988 – *R. Krajčovič*. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 1988.
- Lipták 1969 – *Š. Lipták*. K prízvukovým pomerom na rozhraní západoslovanského a východoslovanského jazykového územia // *Slavistické štúdie jazykovedné*. Bratislava, 1969. S. 19–34.
- Liška 1968 – *J. Liška*. O kvantite sotáckych samohlások // *Jazykovedný časopis*. Roč. 19. 1968. S. 169–199.
- Neweklowsky 1987 – *G. Neweklowsky*. Lexikalische Übereinstimmungen im nordwestlichen Südslawischen // *Slavistična revija*. Let. 35. 1987. Fasc. 1. S. 3–16; Fasc. 2. S. 187–209.
- Orlovský 1982 – *J. Orlovský*. Gemerský nárečový slovník. Martin, 1982.
- Pauliny 1963 – *E. Pauliny*. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Pronk 2009 – *T. Pronk*. The Slovene Dialect of Egg and Pöschach in the Gailtal, Austria. Amsterdam, 2009 [Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 36].
- RHSJ 4 – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 4. Zagreb, 1892–1897.

- Richards 2003 – *Ronald O. Richards*. The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: the View from Old Hungarian. Los Angeles, 2003.
- Rigler 1976 – *J. Rigler*. Junkovičeva kajkavska teorija in slovenščina // Slavistična revija. Let. 24/4. 1976. S. 437–465.
- Schaeken 1987 – *J. Schaeken*. Die Kiever Blätter. Amsterdam, 1987 [Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 9].
- Schallert, Greenberg 2007 – *J. Schallert, M. L. Greenberg*. The prehistory and areal distribution of Slavic *gьlčeti ‘speak’ // Slovenski jezik = Slovene Linguistic Studies. 2007. Vol. 6. S. 9–76.
- Snoj 2016 – *M. Snoj*. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2016.
- Stachowski 2009 – *M. Stachowski*. Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-ungarischen Sprachkontakte // Studia Etymologica Cracoviensia. T. 14. 2009. S. 35–107.
- Stanislav 1948 – *J. Stanislav*. Slovenský juh v stredoveku. Diel I. Bratislava, 1948. (Пепеиздано в 1999.)
- Šárga 1940 – *J. Šárga*. Zprávy o štúdiu “sotáckeho” nárečia // Carpatica. 1940. Vol. 1. Zv. 2/A. S. 204–242.
- Štolc 1981 – Atlas slovenského jazyka / sprac. J. Štolc, ved. red. E. Pauliny. Diel 2: Flexia. Časť 1: Mapy. Bratislava, 1981.
- Vermeer 1984 – *W. R. Vermeer*. On clarifying some points of Slavonic accentology: the quantity of the thematic vowel in the present tense and related issues // Folia Linguistica Historica. Vol. 5/2. 1984. P. 331–395.
- Zoltán 2020 – *A. Zoltán*. Hungarian and Slavic Contact // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_035986 [Электронное издание]

Marc L. Greenberg
University of Kansas, USA
Siniša Habijanec
E. Štúr Institute of Linguistics,
Bratislava, Slovakia

Accentological observations on the reconstruction of the Late Common Slavic dialect of Pannonia

The paper represents the authors’ first attempt to collect the accentual peculiarities recoverable from the extinct Late Common Slavic dialect traditionally named “Pannonian” Slavic as a prequel to their entry the topic for the *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics*. The difficulty of defining this dialect is acknowledged (distinct, transitional), for which reason the authors take an agnostic view, focusing not just on the traditional notion of the Slavic speech community that disappeared from the Carpathian Basin with language shift to Hungarian from the 9–12 cc., but also the surviving dialect areas that might be provisionally labeled “circum-Pannonian,” which potentially includes the Czecho-Slovak areal, SW Ukrainian, Slovene, Kajkavian, and W peripheral areas of Štokavian.